

АНДРЕЙ ЗОТКИН,

*аспирант отдела социальной психологии
Института социологии НАН Украины*

**Роль региональных элит и столичного
истеблишмента в формировании властной элиты
Украины**

Abstract

The author discusses a power elite formation process in Ukraine, studies the regional and capital dynamics of this process. The main capitals and strategies of regional elite "fighting for Kyiv" along with the evolution role of the capital establishment played in the inner life of this country are reviewed.

Еще совсем недавно Украина входила в состав СССР. И именно украинская региональная номенклатурная элита была одним из весомых источников формирования властной элиты союзного масштаба. Вспомним хотя бы имена выходцев из Украины Н.Хрущева и Л.Брежнева, руководивших Советским Союзом в течение 28 лет. В 1961 году количество представителей Украины в составе ЦК КПСС составляло 20%, четверо из одиннадцати членов Политбюро ЦК КПСС были выходцами из Украины [1, с. 622, 641].

В этом контексте можно выделить днепропетровскую номенклатурную группу, являющуюся основным поставщиком управленческих кадров для высших эшелонов власти УССР и СССР.

С обретением Украиной независимости получила распространение практика формирования властной элиты страны региональными элитами. Если в СССР представительство регионалов в высших эшелонах власти было проявлением целенаправленной и контролируемой политики центра, то в современной Украине борьба за Киев носит хаотический, неконтролируемый характер, и центр порой играет пассивную роль.

Процессы борьбы региональных элит за Киев рассматривались в работах Н.Шульги [2] и в исследованиях под его руководством [3], где был сделан подробный анализ персонального состава восьми Кабинетов Министров Украины в период с 1990-го по 1998 год. С политологической точки зрения эти

процессы анализировал, в частности, В.Фесенко [4]. Представляют интерес сравнительные исследования взаимоотношений между центром и регионами в России и Украине [5; 6]. О возрастании роли столицы в формировании властной элиты Украины пишет упомянутый выше Н.Шульга [7], об этом дают основания говорить и результаты исследований И.Рожковой [8] и коллектива авторов Национального института стратегических исследований [9].

Осмыслению этих процессов может помочь, наряду с исторической хронологией смены регионалов на “киевском престоле”, социологическая теория социальных капиталов П.Бурдьё: (в украинской социологии такой подход впервые был использован в работе И.Рожковой [8]). Основными видами капиталов являются социальный, экономический, культурный и символический [10, с. 43, 48]. В социальных процессах, происходящих в украинском обществе с 1991 года, определенную роль играли различные виды капиталов и их комбинации.

Целью данной статьи является исследование динамики регионального и столичного факторов в процессах формирования властной элиты Украины с учетом стратегий и капиталов, используемых акторами (региональными элитами и столичным истеблишментом) в этих процессах.

Стратегии и капиталы региональных элит в борьбе за Киев

Именно на волне популярности определенного вида капитала региональная элита, которая им обладала и пользовалась, занимала свои позиции в Киеве. Разумеется, каждая мощная региональная элита, борющаяся за Киев (среди них мы можем назвать днепропетровскую, харьковскую, донецкую и львовскую группы), использовала не один капитал, а те или иные их комбинации. Однако, на наш взгляд, у каждой из этих региональных групп был и остается свой “козырь”, дававший ей конъюнктурные преимущества в конкретный период. Смена приоритетов развития общества корректировала привлекательность того или иного капитала (а значит, и потенциал его использования), а это, соответственно, обуславливало изменения в составе властной элиты Украины.

В начале 1990-х годов инициативу в борьбе за Киев (и формирование властной элиты Украины) из рук днепропетровской номенклатуры перехватила западноукраинская диссидентская контрэлита с центром во Львове. Львовская группа использовала оригинальную в то время комбинацию капиталов: а) социальный — новые люди во властной элите, переживавшей упадок; б) символический — создание независимого украинского государства, проевропейская ориентация; в) культурный — украинская национальная идея, возрождение украинского языка и национальной культуры, ликвидация “белых пятен” в истории Украины.

Такая комбинация капиталов ослабила позиции днепропетровской номенклатуры, капиталы которой к тому времени оказались непопулярными. Одной из главных причин уменьшения влияния днепропетровской группы был курс на сокращение ВПК, мощь которого на Днепропетровщине определяла вес этой региональной группы в обществе. Поэтому днепропетровцы, хотя и не были полностью вытеснены с властных позиций, вынуждены были на какое-то время применить тактику выжидания и сохранения, закрепления своих властных полномочий.

С тех пор львовская группа претендует на роль законодателя идеологической моды. Ее главная стратегия заключается в том, чтобы занять как можно больше мест в высших структурах центральной власти. На момент провозглашения независимости Украины старой номенклатурной элите пришлось инкорпорироваться в ряды представителей львовской группы, что стало гарантом обеспечения легитимности для первой [6, с. 205]. Таким образом, в течение 1991–1994 годов при власти находился конгломерат из бывших партийных функционеров и политических диссидентов, которых “трудно назвать политической элитой” [11].

Одновременно с львовской группой на “киевский престол” в 1991–1994 годах начала активно претендовать донецкая региональная элита, еще с советских времен приоритетно владевшая в пределах Украины экономическим капиталом благодаря угольной отрасли. Показателен тот факт, что в 1990–1995 годах трое из четырех премьер-министров (Масол, Фокин, Звягельский, причем Масол занимал этот пост дважды) были выходцами из Донбасса [12]. Итак, основная стратегия донецкой региональной элиты в борьбе за Киев была нацелена на должности в высших эшелонах исполнительной власти. Со временем донецкая группа добавила к этому ключевые позиции в трансрегиональном и столичном бизнесе.

На период 1991–1994 годов приходится внутренний “парад суверенитетов”, претензии регионов на повышение своей роли в Украине. В первую очередь такие процессы были связаны с Крымом. Поэтому Киев был вынужден смягчать свою региональную политику и заигрывать с весомыми региональными элитами. Это объясняет его пассивную позицию. Именно в этот период представители регионального истеблишмента мобилизовали ресурсы для легитимации своей власти на местах. А наиболее сильные региональные группы — прежде всего из индустриальных, экономически мощных регионов — направили свою деятельность на захват ключевых кадровых позиций в центре.

С приходом к власти Президента Л.Кучмы начался длительный период господства днепропетровской группы. Еще в 1994 году Л.Кравчук заявил, что “украинская национальная идея себя исчерпала”. Это коррелирует с началом уменьшения влияния Львова как “украинского Пьемонта” на процессы формирования властной элиты Украины. Именно тогда пригодились капиталы, которыми обладали днепропетровцы: в первую очередь социальный капитал — умение воспитывать управленческие кадры и размещать их на ключевых позициях властной вертикали, а также экономический капитал — переплетение крупного бизнеса с политикой. Считаем, что таким “ноу-хау” днепропетровская региональная группа опередила остальные региональные элиты, которые вскоре тоже вынуждены были политизировать свой бизнес. С обретением власти днепропетровской группой в 1994 году политизация бизнеса и дальнейшая реализация этих процессов в формировании политических партий, представлявших интересы конкретных региональных бизнес-групп в центре, набирают обороты. И ощутимее всего — в избирательной кампании 2002 года, в которой бизнес принимал активное участие [13].

Символическим капиталом днепропетровской группы стал своеобразный идеологический баланс: с одной стороны, она перехватила государственнические лозунги, проевропейский вектор развития и политическую риторику диссидентов львовской региональной группы, а с другой — укрепля-

ла связи с Россией, чем удовлетворяла бизнес-интересы и эмоциональные настроения юго-восточных регионов.

1994 год явился началом периода более упорядоченного становления властной элиты: и центральной, и региональных. Уже в 1995 году исследователи писали, что базовое ядро украинской властной элиты фактически сформировалось [4, с. 94]. По нашему мнению, среди множества факторов этого процесса следует выделить усиление субъективного фактора в лице Президента Л.Кучмы. Сначала на пост премьер-министра был назначен В.Масол, благодаря чему возник определенный баланс между днепропетровской и донецкой группами. Но уже весной 1995 года правительство возглавил выходец из центральной Украины Е.Марчук, не связанный с крупными региональными группами. От тактики заигрывания с региональными элитами Л.Кучма окончательно отошел в 1996 году, когда правительство возглавил его земляк П.Лазаренко. К тому времени власть Президента была кадрово подкреплена днепропетровской когортой из 206 человек, занимавших ключевые позиции во властных структурах и “группах влияния” [14, с. 9].

Днепропетровской группе во главе с Л.Кучмой удалось также решить ряд региональных проблем (прежде всего — крымскую) и сформировать президентскую вертикаль исполнительной власти. Новым институтом рекрутации региональных элит стала Администрация Президента. Таким образом, региональные элиты оказались в условиях личной зависимости от Л.Кучмы и днепропетровской властной группы.

Показательны следующие факты. В 1996–1997 годах “днепропетровской семье” удалось на длительное время вывести из конкурентной борьбы за Киев своих основных соперников — донецкую региональную элиту. Донецкие оказались расколотыми на несколько группировок. Их конкурентный потенциал перешел в плоскость внутренней борьбы.

Крымская региональная элита также была истощена внутренней борьбой, в которую Киев целенаправленно не вмешивался. Это привело к дискредитации крымской региональной элиты и ее символического капитала (призывы к отделению от Украины) среди населения полуострова. Таким образом, и в Крыму потенциал региональной элиты был переведен из плоскости борьбы с центром в плоскость внутренней борьбы, что позже и определило ее переход на позиции безусловной ориентации на Киев [15, с. 183].

Снятие с “повестки дня” главного конкурента в борьбе за позиции в центре и важнейшей внутренней проблемы Украины позволило днепропетровской группе ужесточить государственную региональную политику. Произошли существенные кадровые изменения в региональной исполнительной власти, персональный состав которой формировался на критериях личной преданности Президенту. На 1 января 1997 года среди глав облгосадминистраций только трое имели стаж работы на этой должности свыше 5 лет; один — более года; 21 (88% от общего числа) — менее года [16, с. 56].

Преимущественно “земляческая” кадровая политика была характерна лишь для начального этапа правления Л.Кучмы. После кризиса, связанного с действиями П.Лазаренко и его команды, Л.Кучма перешел к тактике активного “микширования” высших управленческих кадров. Днепропетровца В.Пустовойтенко во главе Правительства сменил представитель Западной Украины В.Ющенко, затем — А.Кинах из Николаева и наконец В.Янукович из Донбасса. В государственной политике определенную роль начинает играть харьковская региональная элита. Об этом свидетельствует тот факт,

что “партия власти” НДП самую многочисленную ячейку имела именно на Харьковщине. Харьковчанами были главы Администрации Президента Е.Кушнарев и О.Демин и вице-премьер В.Семиноженко. Таким образом, постоянное “микширование” (приближение — отдаление) региональных олигархических групп вокруг центральной власти, расколы потенциально сильных политических партий и игра на противоречиях в олигархической среде позволили Президенту стабильно балансировать и именно благодаря политической и кадровой нестабильности (как бы парадоксально это ни звучало) контролировать ситуацию прежде всего в центральной власти.

Динамика роли столичного истеблишмента во внутривластной политической жизни и формировании властной элиты Украины

При всех изменениях постепенно повышается роль Киева как столицы и его ресурсных потенциалов. Именно в период президентства Л.Кучмы роль Киева существенно возрастает и во внутренней политике, что происходило параллельно с провинциализацией бывших центров политической активности — Львова, Донецка и Харькова [5, с. 51–52]. Одновременно увеличивается политический вес собственно киевских элитных групп, которые мы называем столичным, или киевским истеблишментом. Под категорией “столичный истеблишмент” мы понимаем элитную группу, не имеющую тесной “земляческой” связи с каким-либо регионом страны и его региональной элитой. Понятно, что на фоне властной элиты Украины, где региональная принадлежность является доминантным признаком, такая элитная группа выглядит как маргинальная, представители которой перемолоты в “столичной мельнице”. Но, по нашему мнению, она наиболее приближена к категории “властная элита общегосударственного масштаба”, поскольку ее представители утратили свою провинциальность и защищают общегосударственные интересы вопреки давлению лоббирования региональных элит.

Некоторые исследователи среди мощных региональных элит, борющихся за Киев, выделяют также собственно киевскую группу [17; 18]. В целом мы можем с этим согласиться, но с некоторыми замечаниями. Во-первых, исторически Киевщина никогда не могла сформироваться в полноценный регион с собственными политическими интересами, потому как всегда была сателлитом Киева, который традиционно был “полем битвы гигантов” за политику общегосударственного уровня. Производным от этого является второе замечание: киевская региональная элита сформировалась, однако не имеет ни четкой структуры, ни осознанных региональных целей и интересов, кроме цели занять позиции в системе центральной власти. Поэтому мы считаем, что аморфная киевская региональная элита скорее склонна входить в состав киевского истеблишмента.

Столица как центр притяжения для выходцев из других регионов (прежде всего не имеющих собственных крупных развитых центров, а также регионов, географически близких к столице) благодаря огромным ресурсным потенциалам позволяет эффективно использовать все виды социальных капиталов в любых комбинациях. Однако логика столицы выдвигает свои “правила игры”: выходцы из регионов в столице должны определенным образом маргинализироваться, чтобы избавиться от своих региональных корней, и вместе с этим — провинциальности в поведении и мышлении, “травмированной психологии эмигрантов” [7]. Именно это, по нашему убежде-

нию, служит почвой формирования полноценной властной элиты общенационального масштаба.

Проиллюстрировать тезис о повышении роли Киева и столичного истеблишмента во внутривластной жизни страны может анализ динамики доли киевлян в высших эшелонах власти. Если в Верховной Раде первого созыва (1990) всего 74 народных депутата были постоянными жителями столицы, то в 1998 году в ней насчитывалось уже 211 киевлян [7]. В восьми составах правительства с 1990-го до 1998 года самую большую долю по месту рождения также составляли киевляне: всего — 12 человек; средний показатель — 3,4 [3, с. 27]. По месту получения базового образования членов правительства опять-таки лидирует столица: 44 высших чиновника в восьми составах правительства (1990–1998) были выпускниками столичных вузов (средний показатель — 11,8) [3, с. 28]. Кроме того, Киеву принадлежит право называться “кузницей кадров” дипломатического корпуса властной элиты Украины. По данным 1998 года, только 16,8% дипломатов родились в Киеве, однако Киевский университет им. Тараса Шевченко закончили 46,3% работников дипломатической службы [3, с. 33–34].

По данным исследований Национального института стратегических исследований, в 2001 году доля представителей элитных слоев из различных сфер социальной жизни, которые родились в Киеве и Киевской области, составляла 16%. Наибольший вес в структурах властной элиты уроженцы Киева и Киевской области имеют в высших органах власти (13% и 9% соответственно) и дипломатическом корпусе (24% и 5%) [9, с. 24–26].

К сожалению, исследователи НИСИ не акцентировали внимание на таком параметре, как город получения базового образования, хотя он приближает исследователя к фиксации города активного участия (“включенности”) представителей властной элиты в политических процессах. Но если придерживаться тезиса о географическом тяготении отдельных регионов к столице, можно выдвинуть гипотезу о том, что какое-то количество представителей властной элиты, родившихся в областях, расположенных близ к столице, получили базовое образование именно в Киеве.

Тяготение к Киеву характерно прежде всего для областей Центра Украины (Житомирская, Черниговская, Винницкая, Черкасская, Кировоградская области) [19]. Центры этих областей являются стабильными донорами Киева как минимум с советских времен. Их социальный капитал постоянно привлекается и поглощается столицей — обычно молодые и способные люди едут в Киев учиться или работать. Постоянный отток лучших представителей молодежи, которые могут составлять потенциальный резерв для формирования региональной элиты, тормозит развитие областных городов Центрального региона, определяет их роль как киевской периферии. Показателен тот факт, что население ни одного из областных городов Центра Украины не превышает 400 тыс. человек, а региональные элиты этих областей слабы и полностью зависят от центральной власти.

Области Центра Украины были и остаются одним из источников формирования киевского истеблишмента и властной элиты Украины. Так, в течение 1990–1998 годов в восьми составах правительства находилось 8 выходцев из Черниговской области, 6 — из Винницкой [3, с. 27].

Исследователи НИСИ подсчитали, что на 2001 год в элитных слоях из различных сфер социальной жизни выходцы из центральных областей Украины были представлены непропорционально больше, если соотнести этот показа-

тель с долей этих областей в населении Украины. Так, на выходцев из Винницкой области приходится 6% в элитных слоях украинского общества, тогда как доля Винниччины относительно населения Украины составляет всего 4%. Другие области Центра имеют соответствующие показатели: Житомирщина — 5% и 3%; Кировоградщина — 3% и 2%; Черкасщина — 4% и 3%; Черниговщина — 2% и 3%. Для сравнения приведем данные, свидетельствующие о меньшей представленности по сравнению с долей от населения Украины в элитных слоях выходцев из бывших центров политической активности. Самая большая диспропорция характеризует Донецкую область, доля которой от населения Украины составляет 10%, а в элитных слоях на рожденных в Донбассе приходится 7%. Аналогичная негативная диспропорция показателей присуща Днепропетровской (7% и 5% соответственно) и Харьковской (6% и 5% соответственно) областям. Только Львовская область имеет равные доли как в населении Украины (5%), так и выходцев из нее среди элиты (5%) [9, с. 24–26].

Таблица

Место рождения представителей современной украинской элиты по областям Украины, %

<i>Административная единица (область/город)</i>	<i>Доля населения области/города по отношению к населению Украины</i>	<i>Доля уроженцев области в новейшей общенациональной элите</i>
АР Крым	4	2
Винницкая обл.	4	6
Волынская обл.	2	3
Днепропетровская обл.	7	5
Донецкая обл.	10	7
Житомирская обл.	3	5
Закарпатская обл.	3	2
Запорожская обл.	4	3
Ивано-Франковская обл.	3	4
Киев	4	6
Киевская обл.	5	10
Кировоградская обл.	2	3
Луганская обл.	5	4
Львовская обл.	5	5
Николаевская обл.	3	2
Одесская обл.	5	3
Полтавская обл.	3	5
Ровенская обл.	2	3
Сумская обл.	3	3
Тернопольская обл.	2	3
Харьковская обл.	6	5
Херсонская обл.	2	2
Хмельницкая обл.	3	4
Черкасская обл.	3	4
Черновицкая обл.	2	1
Черниговская обл.	3	2

Примечание: Данные приводятся по аналитическому докладу “Современные украинские элиты: штрихи к портрету”, подготовленному сотрудниками НИСИ [9, с. 24]. Выборка охватывает 4715 представителей разных сфер общественной жизни.

В целом данные исследования НИСИ свидетельствуют, что индустриально более развитые и опережающие по демографическим показателям области Востока и Юга Украины по сравнению с их долями в населении страны меньше представлены в элитных слоях украинского общества, чем Центр и Запад.

Выходцы из центральных областей Украины также широко представлены в высших органах власти: Винниччина — 5%, Житомирщина — 7%, Черкасщина — 5%, Черниговщина — 4%, и только Кировоградщина — 2%. Если объединить эти данные с представленностью выходцев из Киева и Киевской области (13% и 9% соответственно), то 44% властной элиты Украины окажутся представителями Центрального региона Украины. Вместе с тем крупные региональные центры представлены в высших органах власти гораздо беднее: Днепропетровская область — 3%, Донецкая — 5%, Харьковская — 4%, Львовская — 3%. Однако выходцы из крупных региональных центров по количеству их среди политиков опережают даже столичный истеблишмент: Днепропетровщина — 6%, Донецкая область — 7%, Львовщина — 7%. Позиции лидеров в бизнесе и среди руководителей предприятий также принадлежат выходцам из Днепропетровщины (8%) и Донбасса (12%) [9, с. 24–26].

Однако большой интерес представляет именно факт “засилия” во властной элите выходцев из неразвитых и демографически бедных областей Украины. Если иметь в виду периферийный характер областных городов Центра Украины относительно столицы, то вполне логичным является то, что большинство представителей властной элиты, родившихся в этих областях, получили образование и активно “включились” в политико-властные процессы (что позволило им инкорпорироваться в ряды элиты) именно в Киеве. Причем эта инкорпорация лишена черт стратегии “похода на Киев”, к которой прибегали мощные региональные элиты, а скорее является функцией механизма закономерного поглощения столицей лучшего социального капитала ближайшей периферии. Понятно, что такие процессы не идут на пользу центральным областям Украины, но именно они стали почвой формирования той части властной элиты, которая преодолела (или пытается это сделать) вместе с региональными корнями свою провинциальность. Именно эту приближающуюся к категории “властная элита” группу в общенациональном понимании мы называем “киевский”, или “столичный истеблишмент”, и его никак нельзя считать элитой какого-то одного региона.

Как отмечалось выше, мы считаем, что главная цель той части киевского истеблишмента, представители которого стремятся самореализоваться во власти и политике, — занять позиции в высших эшелонах власти, поскольку столичная специфика не позволяет развиваться полноценной региональной элите, по крайней мере в Киевской области и в Киеве. Для целенаправленного достижения позиций во властной элите общегосударственного масштаба киевский истеблишмент использовал две основные стратегии.

Первую — так называемую “внутреннюю” стратегию — применяла группа во главе с мэром Киева А.Омельченко, оформившаяся в партию “Единство”. “Внутренняя” стратегия “Единства” заключалась в попытке объединить перед выборами 2002 года все доступные социальные ресурсы и капиталы Киева и Киевской области. Это была целенаправленная локализация с целью преодоления максимального электорального барьера аморфной киевской региональной элитой преимущественно в пределах Киева и Киев-

ской области. Средством достижения максимального эффекта должна была стать комбинация капиталов: а) объединение киевской региональной элиты (муниципальные и областные органы власти) и доли киевского истеблишмента под эгидой единого лидера — А.Омельченко; б) использование административного и бизнесового ресурсов, подконтрольных лидерам и функционерам “Единства”; в) позиционирование “Единства” именно как политической силы Киевского региона, психологическая игра на чувствах жителей столицы (примером, скорее всего, послужил относительно удачный проект мэра Ю.Лужкова в условиях Москвы). Но, как оказалось, в этом случае “внутренняя” стратегия успеха не принесла. “Единству” не удалось создать собственную фракцию в парламенте.

Так называемую “внешнюю” стратегию использовала олигархическая группа Г.Суркиса — В.Медведчука, которая оформилась в СДПУ(о). Считаем, что эту группу можно отнести к киевскому истеблишменту, а не к киевской региональной элите. Эта группа активно “включилась” в политико-экономические процессы именно в Киеве, возможно, благодаря этому ее представители позиционировали СДПУ(о) как общеукраинскую политическую силу. Ее “внешняя” стратегия с целью занять позиции в центральных органах власти заключается в распространении своего влияния на определенные регионы, которые потом используются как “трамплин” для делегирования своих кадров в высшие эшелоны власти. Так была осуществлена “оккупация” региональной власти в некоторых областях, но наиболее удачной оказалась “экспансия на Запад” — в Закарпатскую, Тернопольскую, Винницкую и даже Волынскую области. Кроме того, на выборах 2002 года СДПУ(о) получила свою долю электоральных симпатий на Юге и особенно в Крыму (12,48% голосов).

Средством достижения цели для СДПУ(о) послужила комбинация экономического (мощные бизнес-ресурсы), символического (популяризация социал-демократической идеи благодаря контролю и использованию значительного сегмента общенациональных медиа-ресурсов) и социального капиталов. Именно социальному капиталу, по нашему мнению, принадлежит ведущая роль во “внешней” стратегии СДПУ(о). Эта группа позаимствовала у “днепропетровской семьи” практику воспитания управленческих кадров и их размещения в разных сферах социальной жизни на всех уровнях иерархии. Так, в поле кадровых интересов СДПУ(о) оказались не только органы региональной, местной власти, бизнес, госпредприятия, но и система высшего образования и здравоохранения. Возможности кадровой политики СДПУ(о) в регионах усилились с назначением В.Медведчука на пост главы Администрации Президента — важного института рекрутации региональных элит.

Таким образом, именно сочетание столичных ресурсов и политики активного развития партии в регионах позволило СДПУ(о) стать, как отмечают некоторые исследователи, всеохватывающим “государством в государстве” [20]. Это служит убедительным доказательством того, что “внешняя” стратегия, благодаря которой столичный истеблишмент поддерживает прочные взаимосвязи с регионами, в итоге успешно достигает цели.

Специфика формирования властной элиты Украины в период между парламентскими и президентскими выборами (2002–2004 годов): соотношение регионального и столичного факторов

Современные механизмы воспроизводства властной элиты в Украине детерминированы, на наш взгляд, завершением процесса формирования олигархических групп, имеющих преимущественно региональный характер. Соответственно, в процессе политизации бизнеса большинство созданных олигархическими кланами политических партий также приобрели сугубо региональную окраску. К сожалению, в Украине пока не сложились по-настоящему общенациональные политические партии. Такое социально-политическое явление, когда партии получают определенное количество парламентских мандатов за счет нескольких областей-«вотчин», исследователи называют феноменом «областизации» [21, с.16]. Об этом свидетельствует тот факт, что ни одна из украинских партий никогда не могла привлечь к себе электоральные интересы во всех регионах Украины. С 1991-го до 1998 года влияние регионального фактора на формирование состава властной элиты (прежде всего парламентской когорты) имело тенденции роста.

Спецификой последнего времени является также формирование трансрегиональных олигархий [6, с.197], то есть отход от неэффективной региональной клановой системы и попытка распространить свое влияние на другие регионы. Более слабые области и их местные элиты попадают в зависимость от мощных региональных элит, которые используют их как «трамплин», чтобы занять властные должности в Киеве. Примером может служить соотношение столичного и региональных капиталов в выборах 1998 и 2002 годов: в мажоритарной системе оно увеличилось в целом на 17,4% (с 57,3% в 1998-м до 74,7% в 2002 году) [8, с. 66–69]. Уменьшение доли регионального и, наоборот, увеличение доли столичного капитала в Центре и на Юге свидетельствуют об увеличении роли столичного истеблишмента как самостоятельного игрока на внутривнутриполитической арене. В Восточном регионе, наоборот, возросла доля именно регионального капитала: сильнейшие региональные элиты используют ресурсы ближайших регионов для организации и осуществления «похода на Киев». Львовская региональная группа, например, пытается контролировать всю Западную Украину. В сфере интересов харьковской группы — Сумская и Полтавская области. Запорожье и Криворожье контролируются днепропетровской региональной элитой. Донецкие элиты распространяют свое влияние на Луганскую область, а в последнее время — на Автономную Республику Крым [22].

Основанием конфликтов региональных элит в борьбе за Киев является соперничество за распределение бюджетных средств между регионами-донорами и регионами-потребителями. «Донорские» региональные элиты стремятся влиять на центральную власть в соответствии со своим финансовым вкладом в экономику, а «потребляющие» сопротивляются попыткам перевести их на второстепенные роли. Таким образом, неравномерное экономическое развитие разных регионов Украины (прежде всего Востока и Запада) и несовершенство законодательной базы (например, отсутствие законов о лоббировании) определяют то, что наиболее выгодное распределение средств возможно только при условии делегирования соответствующей

региональной группой наибольшего количества своих представителей в высшие органы власти.

В таком контексте можно проследить борьбу за влияние на Киев между региональными элитами Западной и Восточной Украины. “Донорские” региональные группы Восточной Украины с 1994 года методично оттесняют западноукраинские региональные элиты от центральной власти и рычагов влияния на нее. Межрегиональный конфликт обострился во время выборов 2002 года и продолжается до сих пор. Представители львовской региональной группы создали блок “Наша Украина”, в котором объединили своих приверженцев из других регионов — преимущественно на Западе и в Центре, а также частично на Юге (крымские татары). Блок получил наибольшее количество парламентских мандатов, однако реальной власти и способов влияния на принятие важных решений западноукраинская региональная элита не получила. На этом фоне контрастно выглядит донецкая региональная группа, организовавшая новый, относительно удачный “поход на Киев” и занявшая ключевые должности в исполнительной власти. Таким образом, политическую ситуацию 2002–2004 годов определяет конфликт региональных элит в борьбе за Киев, в ходе которого одна группа, представленная в структурах центральной властной элиты, но отстраненная от реальной власти, перешла в оппозицию к властному большинству и фактически является контрэлитой.

Итак, накануне выборов Президента роль региональных элит во внутривнутриполитической жизни страны снова возрастает, а роль столичного истеблишмента, наоборот, несколько уменьшается. Столица опять, как и в 1991–1994 годах, становится главной целью мощных региональных групп. Киев не выдвигает реального представителя, а только готовится принять на пост Президента кого-либо из региональных лидеров. Однако, по нашему мнению, в ситуации отчаянной борьбы региональных элит за Киев сложились оптимальные условия для партий левого фланга и левого центра, имеющих значительные электоральные симпатии, четкие идеологические формы и внерегиональный характер.

Выводы и перспективы

Результаты исследования проблемы дают нам основания для ряда выводов.

Первое. Можно определить конкретные этапы в соотношении регионального и столичного факторов в процессах формирования властной элиты Украины.

1. 1990–1995. На волне “парада суверенитетов” возрастает роль региональных элит, которые в процессе борьбы за Киев образуют первичное “ядро” властной элиты.
2. 1995–1998. Начало институционализации конкретных региональных групп (прежде всего “днепропетровской семьи”) как представителей властной элиты государственного уровня, их постепенная интеграция в столичные структуры. Роли региональных элит и столичного истеблишмента уравниваются.
3. 1998–2002. Возрастает значимость столичного капитала. Столичный истеблишмент выступает как самостоятельный игрок на внут-

риполитической арене и распространяет свое влияние на Центр и Юг Украины.

4. Накануне президентских выборов 2004 года, в условиях политической неопределенности возрастает роль сильных региональных элит, которые прибегают к средствам трансрегиональных олигархий для новых “походов на Киев”.

Таким образом, можно увидеть, что в процессах формирования властной элиты роль региональных элит возрастает в ситуации политической неопределенности, нестабильности, а роль столичного истеблишмента, наоборот, — при стабилизации и институционализации.

Второе. Можно согласиться с Р.Туровским, что в Украине “практически невозможно отделить столичную элиту от региональной” [5, с. 53]. Причины этого автор усматривает в компактности страны и традициях местничества. Действительно, в Украине процессы формирования властной элиты общенационального, внерегионального характера еще не завершены. Динамика регионального и столичного факторов в процессах формирования властной элиты свидетельствует о том, что в Украине логичной закономерности превалирования столицы, ресурсы которой позволяют максимально эффективно использовать все виды капиталов в любых комбинациях, противостоят местные специфические условия, названные Р.Туровским. Такое социально-политическое явление исследователи назвали “блуждающим” центром власти [21, с. 15]. Каждая региональная группа, приходящая к власти в Киеве, приносит с собой свою региональную специфику, однако вынуждена интегрироваться в столичную жизнь, социализироваться, избавляться от региональных корней и собственной провинциальности. Именно в таких процессах, на наш взгляд, формируется столичный истеблишмент, который приближается к категории “национальная властная элита”. Повышение роли столицы как интегратора регионов в единую политическую целостность является настоящей задачей для украинского общества и, прежде всего, для властной элиты. Однако факты свидетельствуют, что в процессах формирования властной элиты региональный фактор еще долго будет играть господствующую роль.

Третье. Во взаимоотношениях “центр–регионы” Украина стоит перед дилеммой двух основных моделей.

1. Жесткая централизаторская политика превращает регионы-субъекты в периферию, пассивность которой приводит к неэффективности всего государственного аппарата и института власти. Стремительный рост столицы не может компенсировать деградации регионов и других центров страны. В конечном счете это негативно влияет как на столицу, так и на страну в целом, поскольку упадок регионов уменьшает возможности продуцирования в них качественного социального капитала.
2. Ослабление контроля за регионами усиливает их автономность от центра, что расшатывает каркас властных взаимоотношений в целом.

Вследствие крайностей как первой, так и второй модели государство рано или поздно становится нежизнеспособным. Сторонники расширения полномочий региональных элит ссылаются как на пример на процессы регионализации в Европе, но не учитывают исторической и региональной спе-

цифики Украины, на которую пока преждевременно накладывать “кальку” европейского регионализма. В Украине еще не завершены процессы становления, оформления региональных элит, а роль и место столицы и столичного истеблишмента во внутренней политике пока весьма нестабильны. По нашему мнению, региональная политика Украины нуждается в поиске компромиссного решения: региональным элитам следует активно включиться в политический процесс, но они должны быть “завязаны” на центре. Например, региональная политика в СССР предполагала обязательное прохождение региональными кадрами своеобразной управленческой “практики” в структурах власти союзного масштаба. Благодаря этому поддерживались крепкие взаимосвязи между столицей и регионами: столица всегда имела свежую региональную когорту, которая регулярно, но дозированно обновляла центральную властную элиту, а регионы постоянно получали хорошо подготовленные, социализированные столицей управленческие кадры.

Четвертое. В контексте соотношения “центр–регионы” Украина фактически идет латиноамериканским путем развития: быстрое развитие крупных центров достигается за счет стремительного упадка ближайшей периферии. В числе таких центров мы можем назвать Киев, Днепропетровск, Донецк, Харьков, в меньшей мере — Львов и Одессу. Категории периферии более всего соответствуют слабо развитые области Центра и Запада Украины. “Выкачивание” центрами ресурсов и капиталов с периферии происходит преимущественно с помощью двух механизмов: а) логичное тяготение ближайшей периферии к центру; б) образование трансрегиональных олигархий. Считаем, что в будущем этот дисбаланс станет одной из самых сложных проблем украинского общества и государства.

Принятие парламентом пропорциональной системы выборов на всех уровнях власти по логике направлено на решение нескольких неотложных проблем украинского общества, в частности в плоскости взаимоотношений центра и регионов. Пропорциональная система выборов призвана усилить роль внерегиональных политических партий в обществе, что ограничит влияние трансрегиональных олигархий: полномочия формирования персонального состава органов власти переходят в руки партийных лидеров, которые фактически становятся субъектами рекрутации властной элиты. Все это должно способствовать повышению значимости на внутривластной арене Киева и столичного истеблишмента как главного центра и основного субъекта элитообразования. Однако попытки снизить процентный барьер могут обусловить и консервацию феномена “областизации” партий, поскольку в таком случае партия может создать фракцию в Парламенте, добившись максимальной победы всего в двух-трех областях. Это таит опасность для развития общенациональных политических партий внерегионального характера, поскольку фактически сохраняет господствующую роль регионального фактора в процессах формирования властной элиты Украины.

Литература

1. *Субтельный О.* Украина: история. — К., 1994.
2. *Шульга М.О.* Особливості процесу зміни правлячих еліт у період системної трансформації суспільства // Українське суспільство на порозі третього тисячоліття / За ред. М.О.Шульги. — К., 1999. — С. 322–356.

3. *Шульга М., Потехін О., Бойко Н., Парахонська О., Шульга Т.* Правляча еліта сучасної України. — К., 1998.
4. *Фесенко В.В.* Политическая элита Украины: противоречия формирования и развития // Полис. — 1995. — № 6. — С. 87–94.
5. *Туровский Р.Ф.* Сравнительный анализ тенденций регионального развития России и Украины // Полис. — 1999. — № 6. — С. 49–62.
6. Политические и экономические преобразования в России и Украине. — М., 2003.
7. *Шульга М.* Київ: утвердження у столичному статусі // Вісник Національної академії наук України. — 2001. — № 5. — С. 43–51.
8. *Рожкова И.* Региональные особенности изменения “электорального веса” капиталов при выборах по мажоритарной системе (сравнительный анализ результатов украинских парламентских кампаний 1998 и 2002 годов по мажоритарным округам) // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2002. — № 4. — С. 63–80.
9. Сучасні українські еліти: штрихи до портрета. — К., 2003.
10. *Бурдые П.* Социология политики. — М., 1993.
11. *Бронников В.* Трансформация современной украинской политической элиты // Политический анализ : Доклады центра эмпирических политических исследований СПбГУ / Под ред. Г.П.Артемова. — СПб., 2000. — Вып.1. — www.politanalysis.narod.ru/bronnikov1.html
12. *Стрѣха М.* Регіони в сьгоднішній Україні: консолідація чи дезінтеграція? — www.urg.org.ua./data/newsview/
13. Політична та фінансова роль бізнесу в парламентських виборах в Україні 2002 року. — К., 2002.
14. “Дніпропетровська сім’я-2”. — К., 1997.
15. *Зоткін А.* Інститут регіональної влади на прикладі Автономної Республіки Крим: циркуляція та рекрутація владних еліт // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2003. — № 4. — С. 175–184.
16. Бібліотека українського політика : Довідник. — К., 1997.
17. *Дацюк С.* Центральна, регіональна та міська еліти. — www.dialogs.org.ua/ru/print/material/2/399
18. *Покальчук О.* Політична еліта сучасної України: регіональний вимір // Психологічні перспективи. — 2003. — Вип. 4. — С. 54–59.
19. *Бабурин В.Л., Шувалов В.Е.* Украина: единство в разнообразии (опыт комплексного географического описания). — www.nikolaenko.ru/Text/Amadeus/RUS-UKR/baburin-20.htm
20. *Метельова Т.* Київ у контексті клановості українського суспільства. — www.urg.org.ua./data/newsview/
21. *Валевський О.* Регіон як суб’єкт політичного процесу: аналіз однієї ілюзії перехідного суспільства // Контекст. — 2002. — № 3 (15). — С. 14–19.
22. *Самар В.* Донецкий Крым? К вопросу о практике партийного строительства // Зеркало недели. — 2004. — 7–13 февраля. — № 5 (480). — С. 3.